

МОЛЕБЕН ПО АНДРЕЮ

Сегодня в Москве начали отмечать юбилей знаменитого кинорежиссера

Дарья АКИМОВА

Сегодня исполняется 70 лет со дня рождения кинорежиссера Андрея Тарковского, автора знаменитых лент в отечественном кинематографе — «Андрея Рублева», «Сталкера», «Зеркала», «Ностальгии».

Руины вместо музея. Пока

К юбилею отца в Москву из Флоренции приехал Андрей Тарковский-младший (с 1999 года он возглавляет созданный здесь Международный институт Тарковского).

Сегодня у разрушенного дома в 1-м Шилковском переулке, где прошло детство режиссера, отслужили молебен. В музее «Дом Бурганова» открыт памятник-бюст Андрея Арсеньевича. Сегодня же состоится торжественные вечера в «Новой Опере» и музее «Дом Цветаевой». В доме кино проходит ретроспектива фильмов режиссера, в которую включены отреставрированные уникальные киноленты из архивов Госфильмофонда. А в фойе Дома кино открыта фотовыставка «Мой Тарковский». Большая экспозиция фотографий «Андрей Тарковский» планируется в июне в Манеже. В храме Христа Спасителя хотят провести концерт Большого симфонического оркестра под управлением Клаудю Аббадо. Фестиваль «Вспоминания Тарковского» должен состояться в Петербурге. Осенью дни его памяти пройдут в рамках Дней российской культуры во Франции и Италии. На ок-

Памятник Тарковскому работы Александра Бурганова

тябрь запланирован научный симпозиум о творчестве Тарковского и ретроспектива его картин в Париже. А в ноябре фильмы мастера будут показывать в США и Канаде.

А главное — выходит первое в России полное издание дневников режиссера. В этом году также совместно с Союзом кинематографистов России будет выпущен сборник статей о Тарковском «Зеркало».

Другая организация — московский Фонд Тарковского — в апреле издаст двухтомник, в который войдет книга Андрея Арсеньевича «Запечатленное время».

Об Андрее Тарковском читайте на 6-й странице

Он хотел снять фильмы о Ленине и Бормане. И об Антонио Падуанском: «Главное для меня — драма человека, который должен платить за попытки создания равновесия между материальной и духовной жизнью». Его учительницей музыки была воспитанница Николая Рубинштейна. О нем написаны библиотеки... Есть музей Тарковского в его родном Юрьевце и два фонда его имени — международный и московский. От дома его детства на улице Шипок остались руины: уже десять лет там хотят устроить творческий центр имени режиссера, но остов дома, зростающего лесом, сдан в аренду коммерческой фирме. Потускневшее зеркало «того самого» шкафа до сих пор висит в доме Марины Арсеньевны, сестры Тарковского, автора книги «Осколки зеркала» (об Андрее и о семье). Осколки сияния Андрея Тарковского навсегда остались в тех, кто был рядом с ним.

Дарья АКИМОВА, Ольга ФУКС

Плакать будешь без лука

Николай БУРЛЯЕВ, актер:

Андрей был очень разным. Был нежным, но крайне редко, чаще — жестким. Ревновал, если кто-то снимался параллельно, как случилось со мной на «Андрее Рублеве». Андрей тогда избрал очень жесткий метод работы со мной — требовал, чтобы помощники все время говорили мне, что он мной недоволен и подумывает о моем отстранении. Он поселял в актере неуверенность, чтобы тот был собран, и порой перегибал в этом палку.

На съемках «Иванова детства» он не делал скидку на то, что мне 14 лет. Давал читать книги о войне, чтобы я погрузился в эту жизнь — «СС в действии». Настраивал на то, что самой трудной сценой будет та, в которой я должен заплакать перед камерой, и никакого лука он мне не даст (с помощью лука я плакал на съемках у Кончаловского). В день съемок этой сцены я пришел в павильон часа за четыре, загримировался и стал репетировать. И к тому моменту, когда собралась вся группа, я страшно устал, плакать не хотелось совершенно. Андрей ходит вдалеке и даже не смотрит в мою сторону. Я почувствовал — сейчас он отругает меня за бездарность (даже заплакать не могу!), отстранит от съемок. Но Андрей, тонкий психолог, стал утешать меня самыми нежными словами: «Коленька, бедный, что же ты так мучаешься, сейчас мы все отменим». От жалости к себе я разрыдался, и мы одолели эту сцену.

Помню, на «Андрее Рублеве» мы снимали сцену, где мой Бориска должен падать с обрыва. Стоял октябрь — холод жуткий, все ходит в тулупах, а же — в одной рубашке под дождем, который создавал пять брандспойтов. От холода даже голову ломит. Конечно, я не репетировал свое падение — только краем глаза посмотрел с обрыва и прыгнул. А там, помимо глины, оказались коряги, камни. Сижу я внизу, ободранный и обмороженный, в глазах темно, все болит, а сверху Андрей в тулупчике кричит: «Коленька, отличил! Еще разок». Я забрался по канату наверх, рубашку мою от глины в речке прополоскали, кое-как просушили — и по новой прыгай с обрыва... Мы сняли шесть дублей. Я просто проклинал Андрея. Но потом он велел истопить избу, пришел туда со мной и чуть ли не ноги мне мыл, тело волкой растирал. И был такой нежный, каким я видел его, может, раза три в жизни.

Паола ВОЛКОВА, руководитель Московского фонда Тарковского:

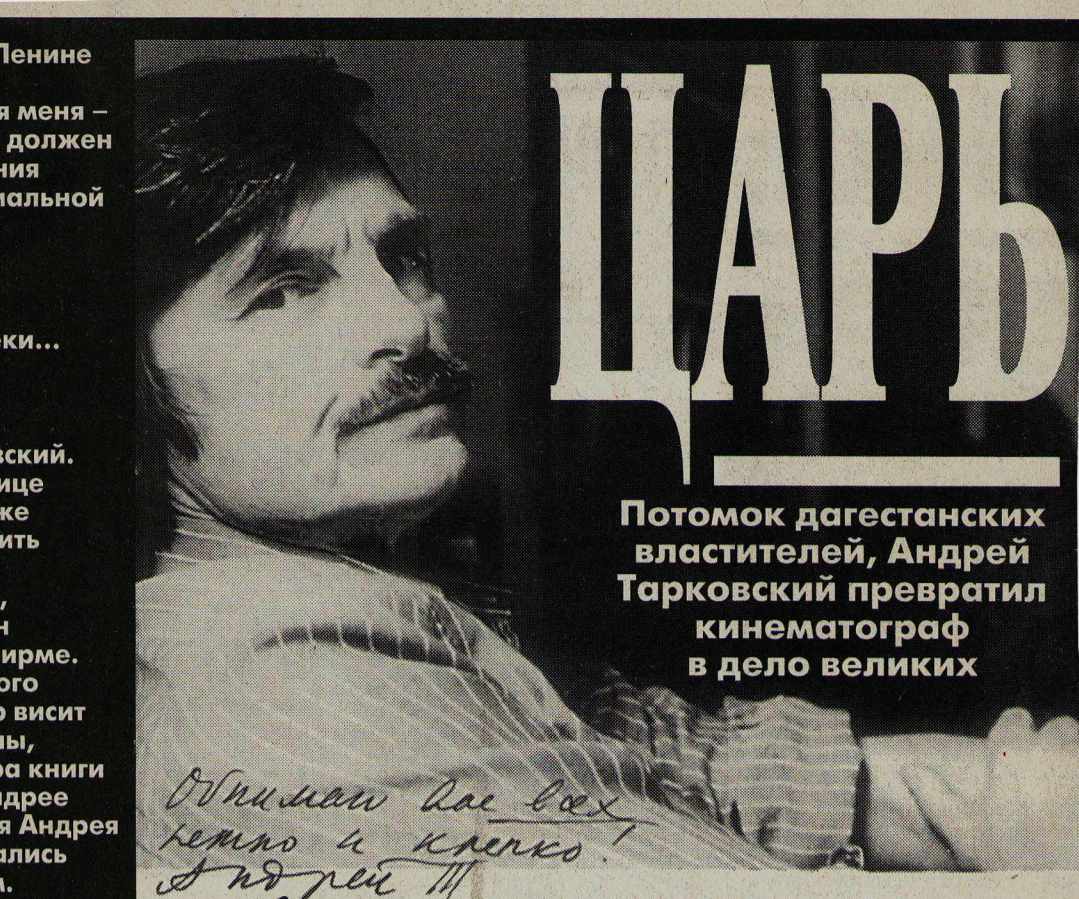
Думаю, его отношения с людьми носили глубоко субъективный характер. Это могло быть невероятное чувство влюбленности, увлеченности, которое потом немаленько перерастало в охлаждение и даже отторжение. Это история почти всех отношений с его актерами и операторами. Кажется, дружбы у него не было ни с кем. Было близкое сотрудничество — с Гринько, Кайдановским...

Вместе с тем он был невероятно наблюдательным — до ясновидения. И если вел себя иначе, то только потому, что не мог последовательно этому ясновидению и пронизательности следовать.

Мы преподавали вместе на курсах («Высшие курсы сценаристов и режиссеров — акт»). Но я никогда с ним не дружила. И близко не подходила. Я боялась его смертельно: вокруг него все время происходили интриги. Посмотрите, какое количество женщин описывают, что он любил их!

Да, он был увлекательным человеком. Я знаю женщин, которых он действительно любил. Общался с его первой женой Ирмой Рауш-Тарковской (их сын Арсений — хирург, ученый). Многие из тех, с кем он был рядом, до сих пор — как заговоренные... Энергия, сила от него шла чудовищная: была Рита Терехова — сыграла у него и стала Маргаритой. Исключительно благополучно от него отделился Банионис — и то только потому, что он не понял, с кем имеет дело. А остальные пережили общение с ним очень драматично. Через чью жизнь он прошел — та жизнь опаленная.

Я боялась этого сожжения. Не потому, что я такая мешанка, ко-

ЦАРЬ

Потомок дагестанских властителей, Андрей Тарковский превратил кинематограф в дело великих

Вел. Москва — 1999 — Чарп. — с. 4, 6.

торая избегает потрясений. Я его понимала. Наверное, он это не ни в чем, когда я просила. В самый разгар пленочного брака на «Сталкере», когда он был в полубезумном состоянии, я попросила его посмотреть работу молодого режиссера Сокурова. Позвонила ему: «Андрей, у меня есть студент...» Он не дослушал: «Сегодня в пять часов на «Мосфильме». Я ответила, что сегодня не смогу. И уже почти была уверена, что он меня сейчас пошлет. А он сказал: «Завтра, в пять часов, на «Мосфильме»...

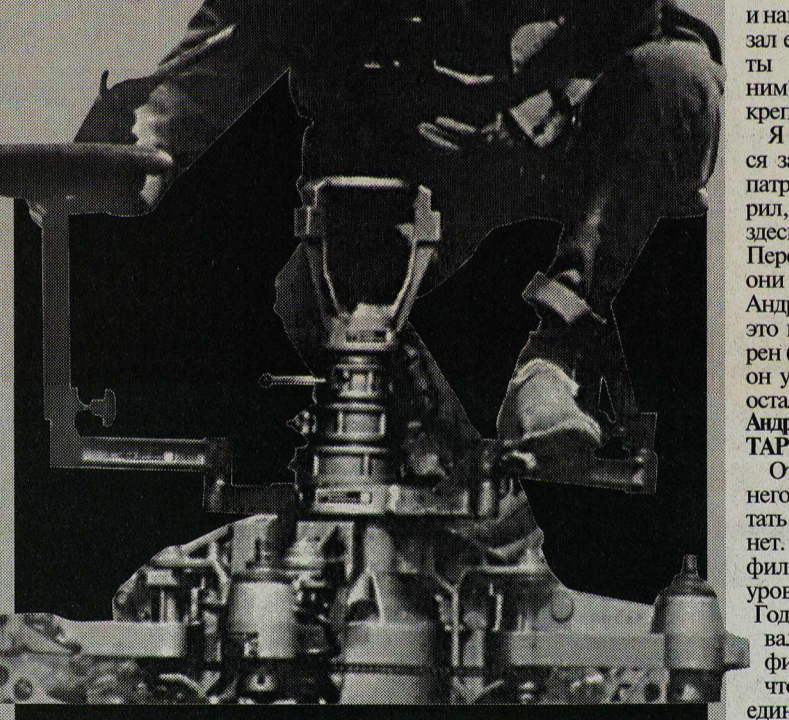
А давай гусей кинем

Николай БУРЛЯЕВ:

Он шокировал многих тем, что не признавал практически никого в мировом кинематографе, кроме нескольких имен — Куртсава, Феллини, Антониони, Бергман, Бунюэль. На дух не принимал американское кино, которому тогда так радовалась наша киноэлита на закрытых просмотрах. Когда мы закончили «Рублева» и над фильмом нависла угроза «полки», он был у нас дома — просил отца и брата, чтобы они писали в Госкино письма в защиту фильма. И тогда обронил такую фразу: «Уровень режиссуры настолько низок, что подняться над ним не составляет труда». Я думаю, что при нынешнем угасании экранного искусства интерес к Тарковскому будет только возрастать. Я сужу по своим студентам — при всей амбициозности нового поколения воспринимает Тарковского как абсолют и пытается разбираться в его экранной магии.

Паола ВОЛКОВА:

В нем была абсолютная слышимость времени, он был связан с огромным количеством людей! И ведь теми, с кем он снимал кино, дело не ограничивалось. С Рерихом он занимался спиритическими сеансами. А разве его безымянность — не черта времени? Он был человеком богемы, но

жизнь его была жизнью мытарственной.

При этом в нем была невероятная связь со своим родом и мечта о доме. Он гордился своими корнями и прекрасно знал, что происходит из княжеского шанхайского рода. Сейчас очень многие отрицают дагестанское происхождение Тарковского, а ведь даже Арсений Александрович (отец режиссера, поэт — акт.) им гордился! И когда у Андрея композитор Овчинников спросил: «Это правда, что вы дворянского рода?», он сказал: «Бери выше. Царского». Ведь в роду у него дагестанские цари.

Вадим ЮСОВ, оператор:

В «Андрее Рублеве» есть сцена, где татаро-монголы налетают на Владимир. Андрей придумал снять людскую массу, которая движется по кругу, сверху, чтобы было ощущение, будто людей засасывает в воронку. Идет базальная съемочная работа — ассистенты через мегафоны организуют движение массовки. Вдруг Андрей откуда-то приносит двух гусей: «Давай, говорю, их сверху кинем». Я не понял, за-

чем, но когда съемка началась, он их кинул одному за другим. И гуси — птицы все-таки, хоть и не летающие — падая, замахали крыльями. Он не мог объяснить, почему они ему познадобились, но в кадре они создают совершенно ошеломляющий эффект какого-то мороза, сдвига реальности, хотя зрители их видят только периферийным зрением. Андрей был очень кинематографичным режиссером. Все операторы — и Рерберг, и Квизжинский, и Свен Ньоквист, который и до «Жертвоприношения» был очень известен, раскрылись с Тарковским совершенно по-новому. Он умел делать единомышленниками всех, с кем работал, — от актера до водителя.

Марина ТАРКОВСКАЯ, младшая сестра:

Андрей думал о своих фильмах беспрестанно! Людмила Фейгина, монтажёр, рассказывала: они сидят до двенадцати ночи, обсуждают фильм, она приезжает домой — и раздается телефонный звонок: у Андрея ролевая очередная идея.

Конечно, нужно было быть подвижником, чтобы пережить трагедию со «Сталкером». В том, что пленка с первой частью фильма оказалась испорчена при проявке, никаких злых козней не было. Это могла быть просто изначально бракованная пленка («Кодак», который Госкино выделило Андрею, операторы никогда не проверяли). А могла быть и вина нашей лаборатории, которая не умела правильно обрабатывать пленку. Видимо, все совпало. Когда лаборанты получили первую партию проявленного материала, то заметили, что освещенность кадров занижена, но подумали, что это «такой стиль».

Последние годы его жизни мы почти не общались, несколько раз говорили по телефону. И это было ужасно. Просто потому, что он был не из тех людей, которым нужно было уезжать. Но он оказался на Западе, потому что наше руководство вело себя жестоко и глупо: оставаясь там работать ему не позволили (возвращайтесь — там посмотрим, продлевать вам командировку или нет). Он боялся, что обратно его не выпустят.

Николай БУРЛЯЕВ:

Последний раз мы общались накануне его отъезда. Андрей был очень агрессивен, поносил всех и вся. Досталось и нам с Вадимом Юсовым. Я сказал ему тогда: «Андрей, зачем же ты обрубаешь крылья ближним?» Но все же на прощание мы крепко обнялись.

Я уверен: он не хотел оставаться за границей. Он был редкий патриот — во всех застольях говорил, что надо жить и работать здесь, как бы трудно ни было. Перед отъездом сказал — мол, они меня отсюда не выпихнут. Андрей умер от рака бронхов, но это психогенная болезнь. Я уверен (и это не только мое мнение): он умер так быстро потому, что остался без родины.

Андрей ТАРКОВСКИЙ-младший:

Отец знал, что если вернется, у него не будет возможности работать здесь, а без этого он погибнет. За 20 лет в России он снял 5 фильмов. Для режиссера его уровня это убийственно мало. Год он снимал, четыре — пробыл. Он мог бы снимать по фильму в год. Он сам говорил, что остаться за границей — его единственный выход, хотя никакого удовольствия от этого не испытывал. На Западе он встретил множество близких по духу людей — он даже не предполагал, что у него столько поклонников.

Наши несчастья длились очень долго. Отец попросил въехать на съемки «Ностальгии» с семьей, собираясь потом вернуться. Но выпустили только его, чуть позже маму, а меня оставили в заложниках. Когда он уехал, мне было одиннадцать, а увиделись мы через четыре года. Я остался с бабушкой. От нас оторвались многие близкие и друзья семьи — почему-то решили, что отец стал диссидентом, и дальнейшее общение помешает их карьере. Хорошо, что хоть в школе все осталось по-прежнему — у меня были замечательные учителя.

А потом нас выпустили в течение двух дней. Пришли какие-то гэбэшники, принесли паспорта — мол, завтра вы улетаете. Это случилось после того, как Ширак направил соответствующую телеграмму Горбачеву. Да к тому же было уже известно, что отец смертельно болен — не было смысла больше держать заложников ради его возвращения.

Вадим ЮСОВ:

В последний раз мы встретились в Италии. Мы встретились в доме у его поклонников. Был замечательный день — майское солнце Италии, оливковые ро-